

Глава 4. Муж и жена?

—
Видя, что навлечена большая беда, Шужуй, хоть и слыл человеком хладнокровным, на этот раз разволновался не на шутку. Он заставил себя успокоиться и на ватных ногах спустился с повозки.

Он опустил на колени подле мужчины, не смея сразу к нему прикоснуться. Осмотрев его, Шужуй заметил, что больших пятен крови нет, а руки и ноги не вывернуты под странными углами — на первый взгляд переломов не было. Сердце чуть отпустило, и только тогда он осторожно приподнял пострадавшего.

Тем, кого сбил осел, оказался молодой человек с весьма холодным и статным лицом: тонкие брови, высокая переносица, тонкие губы. Его черты были четко очерчены, но не грубы. Судя по одежде, он явно был из тех, кто владеет боевыми искусствами.

Шужуй увидел на нем черное одеяние с узкими рукавами, а на поясе висел тяжелый длинный меч. Хоть клинок и покоился в ножнах, он был почти длиной с руку Шужуя, к тому же очень широким. Шужуй редко встречал подобных личностей, и, возможно, именно из-за этой редкости он невольно почувствовал исходящую от незнакомца ауру опасности.

С трепетом в душе он осторожно отвел волосы мужчины, осматривая его от лба до шеи. Убедившись, что на коже нет ни клейма каторжника, ни татуировок, какие бывают у свирепых разбойников, он окончательно облегченно вздохнул. Затем он попытался позвать его, но тот никак не приходил в себя. Не зная, насколько тяжелы травмы, Шужуй оказался в затруднительном положении: кругом ни души, ни жилья.

Немного поразмыслив, Шужуй решил перетащить его на телегу. Помнится, в описании префектуры на карте впереди, милях в двадцати, должна быть почтовая станция. Там можно остановиться и отдохнуть. На некоторых станциях бывают лекари, а если и нет, то через местных служителей найти врача будет куда быстрее, чем самому в незнакомых краях.

Этот юноша был высоким и статным, но казался худощавым. Шужуй думал, что он легкий, но тот оказался на удивление тяжелым. Когда Шужуй взвалил его на спину, то не смог сделать и шагу; в мгновение ока он весь покрылся потом. Пришлось опустить мужчину на землю и первым делом отцепить его меч. После этого ноша будто полегчала на добрых десять цзиней, стало свободнее. Приложив недюжинную силу, он всё же с трудом затащил человека на телегу.

Шужуй вытер пот и, глядя на лежащего, чувствовал, как душа уходит в пятки от неопределенности. Но раз уж случилось такое, некогда было пугать самого себя праздными мыслями — оставалось только стиснуть зубы и разбираться с последствиями...

Пока осел спешил к почтовой станции, молодой человек, неподвижно лежащий на повозке, пребывал в тишине, однако в его мозгу обрывки воспоминаний теснились и всплывали в полном беспорядке.

То он видел себя ребенком в бедном холодном доме, слыша из-за двери, как бездетный дядя умоляет его родителей отдать одного ребенка на воспитание...

То он видел, как изнурял себя тренировками в разных школах боевых искусств, доходя до предела жестокости...

То он видел себя в столице, у ворот знатных домов, выполняющим поручения господ под дождем и ветром...

Полгода назад он получил тяжелое ранение. Очнувшись, он обнаружил, что разум его помутился: память часто подводила, он путал события и всё забывал. Лекари говорили лишь, что нужен покой, а там время покажет, восстановится ли он. Недавно хозяин позвал его к себе, выдал щедрое вознаграждение и сказал, что за годы верной службы он стал его самым надежным помощником. Но поскольку он много лет не был дома, а престарелые родители тоскуют по нему, стоит воспользоваться случаем и вернуться в родные края, чтобы воссоединиться с семьей и подлечить раны. Как раз и из дома пришло письмо: отец сдал экзамены на чин цзюйжэня, младший брат делает успехи в учебе, жизнь налаживается — возвращайся скорее...

Воспоминания бушевали и шумели, достигнув, казалось, предела того, что может выдержать разум — и вдруг всё, и хорошее, и плохое, разом рассеялось, сменившись небывалым покоем...

После полудня солнце стояло высоко, от земли поднимался жар, заставляя спину потеть. Шужуй, крепко сцепив руки, стоял в комнате, во все глаза следя за движениями старого лекаря. Ему казалось, что в комнате ужасно душно; внешне он был спокоен, но внутри всё клокотало от беспокойства.

Увидев, что старый лекарь убрал руку после прощупывания пульса, Шужуй поспешил вперед:

— Лекарь, раны серьезные?

— У молодого человека крепкое телосложение, пульс ровный и твердый, ничего страшного нет. Он получил лишь немало наружных ссадин; приложим мази — он молод, за несколько дней всё заживет.

Услышав это, Шужуй почувствовал, как с его сердца свалился огромный камень. Однако, глядя на человека с плотно закрытыми глазами, он не мог не волноваться:

— Раз травмы не тяжелые, почему же он без сознания? И когда он очнется?

— У юноши рана на затылке. Должно быть, при ударе о тяжелый предмет он мгновенно лишился чувств. Голова хоть и кажется крепкой, но место это хрупкое. Я выпишу рецепт, дадите ему отвар, и всё будет в порядке.

Шужуй рассыпался в благодарностях лекарю, расспросил о мерах предосторожности и проводил его. Вернувшись, он с тревогой посмотрел на рецепт: на почтовой станции не хватало двух трав, за ними нужно было ехать в уездный город. Только он начал раздумывать, как быть, как, подняв голову, увидел, что молодой человек на кровати открыл глаза.

Глаза у этого мужчины были узкие и длинные, а веки тонкими, что придавало его облику еще больше холодности.

— Ты проснулся!

Глаза Шужуя засияли, он подбежал к кровати. То, что человек пришел в себя без всяких пробуждающих снадобий лекаря, несказанно его обрадовало.

Услышав голос, молодой человек уставился прямо на внезапно появившегося перед ним маленького гера. Лицо того было желто-черным, под глазами россыпь веснушек, а над губой —

большая бородавка. Он дважды оглядел его с ног до головы, пытаясь понять, кто это, но в голове было мутно, как в чашке с клейстером — ни одной целой мысли не удавалось выловить.

— ...Кто ты? Где я?

— Это почтовая станция Аньпин. Только что заходил лекарь, сказал, что ты ударился головой о придорожный камень и получил несколько ссадин на теле.

Шужуй не спешил называть свое имя, лишь терпеливо объяснил ситуацию с травмами, а затем спросил:

— Как ты себя чувствуешь? Если тревожно, я могу снова позвать лекаря.

Юноша сел в постели, слегка размял руки и ноги, чувствуя, что с телом вроде бы всё в порядке, но вот в голове — полная пустота. Он нахмурился и с силой прижал ладонь к голове:

— Почему я здесь лежу? Я будто ничего не помню.

Шужуй опешил. Глядя на растерянное лицо мужчины, он невольно нахмурился: что это еще за уловки? Слова «я ничего не помню» он последний раз встречал только в третьесортных театральных пьесах...

Лекарь только что сказал, что тело у него здоровое и травмы легкие — всего лишь ссадины. Человек быстро очнулся, может двигаться и говорить, и вдруг делает вид, что всё забыл — кому это не покажется странным?

Шужуй втайне заподозрил неладное: уж не хочет ли этот парень обмануть его и выкачать деньги? Но, с другой стороны, взгляд у того был блуждающий и пустой, а вид вовсе не казался притворным. Впрочем, сердца людей коварны; если кто-то задумал обман, он может выглядеть очень убедительно.

Глаза Шужуя блеснули: «Дай-ка я его проверю и посмотрю, что за игру он затеял».

Он склонил голову набок, принял встревоженный и испуганный вид и спросил:

— Неужели вправду не помнишь? Даже того, кто я такой, не помнишь?

Услышав это, юноша снова внимательно всмотрелся в Шужуя, но тот казался ему совершенно незнакомым. Видя это, Шужуй иронично приподнял бровь, затем картинно вздохнул и плюхнулся на край кровати:

— Признаю, я был неправ. Не стоило мне с тобой ссориться, осел испугался, ты выпал из повозки, да еще осел тебя лягнул. Раз уж мы — муж и жена, любые слова можно сказать похорошему. Я вот первый перед тобой повинился, так что хватит злиться. Перестань притворяться и пугать меня.

Шужуй врал, даже не покраснев. В дороге никто никого не знает, и в выигрыше остается тот, у кого кожа на лице толще.

— ...Муж и жена, — пробормотал юноша, повторяя за ним. Эти отношения, несомненно, были близкими. Для человека, только что потерявшего память и оставшегося с пустотой в голове, это была надежная связь, на которую можно опереться.

Шужуй прищурился, пристально следя за ним:

— Что, думаешь, я вру?

Юноша не ответил, он изо всех сил пытался вспомнить хоть что-то, но как только начинал думать, голова взрывалась дикой болью. Шужуй не знал, о чем тот думает; видя, что тот молчит, он подлил масла в огонь, придвинувшись к нему почти вплотную:

— Ты что, считаешь меня уродливым и хочешь притвориться, что не признаешь нашего брака, так?

— Нет.

Юноша поднял взгляд на Шужую и нахмурился, будто ему было неприятно, что его несправедливо обвиняют. Затем он снова потер виски, пытаясь вспомнить, но тщетно. Брови его сошлись еще плотнее:

— У меня очень болит голова.

Шужуй опешил. Он явно не ожидал, что этот статный красавец, узнав, что его супругом является такой «уродливый гер», да еще сваливший вину за аварию на ссору, сдержится и не выдаст себя. Шужуй и сам начал сомневаться: вид у парня был уж больно правдивым. Неужели он и впрямь потерял память?

Шужуй не знал, что делать дальше, как вдруг на него уставились два пустых глаза:

— Я хочу есть.

Тон был таким будничным, будто он и впрямь признал в нем своего близкого человека.

— ...

Шужуй посмотрел на него и на миг лишился дара речи. Раз уж заговорили о голоде... он ведь и сам, пока в спешке вез его сюда, звал лекаря и ухаживал за раненым, не съел ни крошки. Он поставил чашку с теплой водой у изголовья кровати, решив, что ему нужно время всё обдумать:

— В такой час еды вряд ли найдешь, пойду на кухню, посмотрю, что есть. А ты отдыхай.

— Угу.

Время уже перевалило за полдень, но время ужина еще не пришло, и на кухне почтовой станции действительно не было готовой еды. Повариха предложила ему несколько лепешек, спросив, возьмет ли он их. Шужуй увидел, что лепешки холодные и твердые — лучше уж самому замесить тесто и сварить по миске лапши.

Однако крики торговли рыбой заставили его передумать. Он вышел на голос посмотреть: рыбаки из соседней деревни вернулись с промысла и принесли свежий улов на станцию. Шужуй увидел морскую рыбу, моллюсков, крабов и морскую капусту. Моллюски еще шевелились. Видя, что продукты свежие, он набрал всякой морской всячины, решив напечь блинов: и самому поесть, и отблагодарить тех, кто помогал на станции с повозкой и лекарем.

В морской мелочи мяса мало, чистить её долго, зато стоит дешево — по четыре-пять монет за цзинь. Шужуй, будучи мастером торговаться, за двенадцать монет купил два цзиня морепродуктов и одну небольшую черную рыбину.

Забрав покупки, он одолжил на кухне плиту и утварь, нажарил стопку блинов и сварил

горшочек рыбного супа. Пока он занимался едой, его мозг лихорадочно просчитывал ситуацию с тем юношей. Как бы правдоподобно тот ни играл, Шужуй до конца не верил, что можно так внезапно лишиться памяти. Но как ни крути, он не мог понять, в чем выгода незнакомца.

Спустя какое-то время Шужуй решил, что лучше будет во всем признаться. Пусть даже тот потребует огромного выкупа — это лучше, чем не понимать, какой план зреет в голове у этого парня.

Приняв решение, Шужуй отдал часть блинов слуге, а затем на подносе понес рыбный суп и оставшиеся блины в комнату. Едва он подошел к двери, как услышал внутри свистящие и рассекающие воздух звуки: «вжух-вжух», «свист-свист». Сердце его сжалось: «Неужели среди бела дня воры забрались?!»

С грохотом Шужуй распахнул дверь и тут же увидел лезвие холодного клинка, направленное прямо на него. Никогда он не видел ничего подобного; руки его ослабли, и поднос с едой начал падать. Казалось, суп вот-вот разольется по всему полу, но широкий холодный клинок молниеносно совершил кувырок и ловко подхватил суп и блины, не пролив ни капли.

— Ты в порядке? — юноша поставил еду на стол и поспешил к Шужую.

Сердце Шужуя бешено колотилось, он тяжело перевел дух:

— Ты что это в комнате вытворяешь?! Я думал, воры влезли!

— Я пил воду, увидел у кровати меч и решил проверить. Услышал, как дверь распахивается, подумал — злодеи. Не знал, что это ты.

Юноша стоял перед Шужуем, объясняясь, и не удержался от вопроса:

— Этот меч мой? Он очень удобно лежит в руке. Я раньше занимался боевыми искусствами?

Шужуй подозрительно посмотрел на него, но не ответил, лишь бросил:

— Сначала поешь.

Юноша не стал допытываться и послушно убрал меч в ножны. Он и впрямь был голоден. Рыбный суп был выварен до молочно-белого цвета. Он отхлебнул немного, а затем допил всё до конца. Шужуй, сидевший рядом, пододвинул к нему блины с морепродуктами.

Круглые блины были хрустящими снаружи и мягкими внутри. В них чувствовался вкус моллюсков, креветок и рыбы — горячие, ароматные и сытные. Юноша съел пять штук в один присест.

Видя, что аппетит у того хороший, Шужуй решил, что и настроение должно быть неплохим. Пользуясь случаем, он не хотел больше врать и, набрав в грудь воздуха, сказал:

— Скажу тебе прямо. То, что я наплел раньше — я просто хотел тебя проверить, проявил излишнюю подозрительность. Если хочешь возмещения ущерба — говори прямо, мы всё обсудим. Так ходить вокруг да около и играть в загадки — только время терять. Как бы там ни было, мой осел тебя сбил, и я готов нести ответственность.

Юноша вытер рот и непонимающе посмотрел на Шужуя. Они молча уставились друг на друга, будто пытаясь найти хоть какую-то зацепку во взгляде собеседника. Наконец юноша заговорил:

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что я тебя знать не знаю. Ты шел по дороге, а мой осел понес и сбил тебя. Раз уж мы заговорили открыто, зачем господину притворяться дурачком? Эта игра не имеет смысла. Скажи прямо, чего ты хочешь. Если я смогу это сделать — сделаю, а если нет — придется идти в управу к магистрату, пусть он нас рассудит.

Шужуй на самом деле до смерти боялся суда, он сказал так только для того, чтобы припугнуть мужчину. Мировое соглашение было лучшим выходом — ведь тот был цел и невредим, незачем было впутывать власти.

Юноша тихо смотрел на Шужуя, нахмурившись, и спустя долгое время произнес:

— Я просто ничего не помню. Руки и ноги целы, чувствую себя как прежде.

Шужуй уже подготовился к тому, что у него потребуют огромную сумму, но не ожидал таких слов. Видя, что тот продолжает играть, он терпеливо повторил:

— Я же сказал, мы не знакомы!

— Если мы не знакомы, зачем ты варил мне суп и пек блины? К тому же этот суп и блины — именно то, что я люблю.

Шужуй ошеломленно смотрел на этого холодного красавца, не веря, что такое может сказать человек в здравом уме. У него закружилась голова:

— Ты говоришь, что потерял память, откуда же ты помнишь, что любишь рыбный суп и блины?

— Хоть я и не помню, но раз съел так много — значит, люблю. Как иначе?

— Да просто ты жадный до еды и желудок у тебя бездонный, вот и всё!

Тут юноша нахмурился, в нем тоже разыгрались чувства.

— Тогда я это есть не буду, даже если ты приготовишь это в будущем.

— Кто сказал, что у тебя будет со мной будущее!

Услышав это, юноша внезапно встал. Он был худощав, но высок и статен, а его холодное лицо, оказавшееся в тени, внушало страх. У Шужуя внутри всё сжалось: «Если он разгневадается, с его-то умениями мне сегодня не поздоровится». Пока он лихорадочно соображал, как выскочить из комнаты, сверху раздался голос, полный праведного возмущения:

— Мы — муж и жена. Я сейчас ранен и никого не помню. Тебе на меня плевать, ты даже не сопереживаешь. Первым делом ты думаешь о том, как бы откреститься от меня и не признавать. Как только земля носит таких легкомысленных и неблагодарных людей!

Шужуй смотрел на обвиняющего его юношу, разинув рот. У него не нашлось слов для ответа. Никогда еще он не чувствовал себя таким виноватым без вины. Раньше в доме Бай, когда его обижали, он спорил, когда хотел, и молчал, когда не хотел спорить, но никогда еще прежде он не терял дар речи.

Как раз в этот момент слуга почтовой станции, услышав шум ссоры, постучал в дверь:

— Как говорится, муж с женой ругаются — только тешатся. Я принес вам чайник хризантемового чая, чтобы вы остыли. Господин, проявите снисхождение к своему фулану. Когда вы были без сознания, гер так переживал, пока вез вас сюда. Увидел, что вы очнулись, и, не отдыхая, сам побежал на кухню варить вам суп. Видать, гер просто не умеет красиво говорить о своих чувствах, но уж точно неправда, что ему на вас плевать.

Послушав эти примирительные речи слуги, Шужуй почувствовал, как голова разболелась еще сильнее. Он больше не стал спорить, налил большую чашу чая и принялся жадно пить. Прежде чем чай коснулся его горла, чья-то сильная рука придержала край чаши, и вода мягко потекла в рот.

Подняв взгляд, Шужуй встретил холодные, но потерянные глаза, в которых светилась... забота. Он поставил чашу и тихо, но твердо произнес:

— Мозги ты себе и впрямь отшиб.

Сказав это, Шужуй широким шагом вышел из комнаты. Он решил снова позвать лекаря, чтобы тот хорошенько его осмотрел.

—

<http://bllate.org/book/17079/1592054>